

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ПОЭМЕ «САША»

ля анализа произведений, в центре которых — «герои времени», представители современных, часто лишь нарождающихся общественных формаций, особенно существен вопрос о датировке действия. Некоторые писатели дают указания, позволяющие очень точно датировать описываемые события. Не у всех писателей соблюдена такая точность, но ясно, что долг исследователя — установить фабульное время подобных произведений с той степенью точности, какая в каждом случае возможна. Ведь от этого в большой мере зависит понимание проблематики произведения.

Однако этот существеннейший вопрос не поднимается исследователями поэмы Некрасова «Саша», бесспорно принадлежащей к типу произведений о «современном герое». Ни в специальных статьях, ни в посвященных этой поэме диссертациях, ни в общих трудах о Некрасове такой вопрос не ставится. Мне известно только два высказывания о времени действия поэмы, оба — в несколько строк: одно — в подстрочном примечании в книге М. М. Гина «Н. А. Некрасов — литературный критик», другое — в комментарии к «Саше» в 3-м издании стихотворений Некрасова в Малой серии «Библиотеки поэта». Эти мнения резко расходятся.

М. М. Гин пишет: «Время действия «Саши» можно датировать довольно точно. Во вступлении Некрасов говорит о своей мучительной болезни и о близкой смерти. Известно, что он тяжело болел и ожидал смерти в 1855 г. Эта дата подтверждается и другими указаниями: о спящих в могиле виновных тенях, то есть, по-видимому, намек на Николая I, умершего в начале 1855 г., и о даром сгинувших молодых силах, то есть о жертвах, понесенных в Крымской войне. Первый

приезд рассказчика в усадьбу родителей Саши состоялся «третьего года», тогда же состоялось знакомство героя с героиней. Следовательно, их взаимоотношения протекают в первой половине 50-х годов, а развязка этих взаимоотношений относится к середине 50-х годов».¹

Исследователь, вероятно из осторожности, не определяет время действия поэмы более точно: ведь если беседа повествователя с отцом Саши происходит в 1855 году, знакомство Саши с Агариным состоялось за два года до того («В третьем году наконец прикатил Барин в усадьбу и нас посетил», «В два-то последние года на диво Сашенька стала пышна и красива»), — значит, основное действие поэмы разворачивается между 1853 и 1855 годами.

Другой названный нами источник предлагает совсем иную хронологию. «Предположительно, первый приезд Агарина приходится на 1848—1849 годы (...). Второй приезд Агарина приходится, по-видимому, на 1851 год, то есть после поражений европейских революций 1848—1849 годов (...). Перемена взглядов Агарина характерна для значительной части дворянских либералов, которые под влиянием поражения европейских революций 1848—1849 годов и наступившей затем реакции отказались от своих прежних, социалистических симпатий и, взамен отвлеченного демократизма, взамен сочувствия народу, стали проповедовать пессимизм и неверие в общественный прогресс».²

Такое определение времени совершающихся в поэме событий также допускает некоторое уточнение. Вернее, может быть, при такой концепции датировать первый приезд Агарина, когда он еще увлеченно проповедовал прогрессивные идеи, 1847 годом, а второй — 1849-м. Переломный 1848 год кажется слишком поздним для радужных надежд и слишком ранним для полного разочарования.

Как же все-таки датировать события поэмы: 40-ми или 50-ми годами? Отметим прежде всего, что соображения М. М. Гина целиком зиждутся на лирическом вступлении к поэме. Вступление это, как известно,

¹ Гин М. Н. А. Некрасов — литературный критик. Петрозаводск, 1957, с. 159.

² Некрасов Н. А. Стихотворения. Л. (Б-ка поэта. М. с.), 1956, т. 2, с. 315—316.

написано после окончания всей поэмы, вовсе не предполагалось ее планом и отражает новые впечатления, связанные с наступлением новой эпохи. Соображения М. М. Гина основаны на невысказанном убеждении, что фабульное время вступления строго согласовано с фабульным временем всей поэмы. Между тем это вовсе не разумеется само собой. Подобные части, приписанные к готовому произведению, нередко оказываются в хронологическом несоответствии с основным текстом. Это имеет место даже у такого точного в отношении хронологии писателя, как Тургенев. Комментаторы «Рудина» в академическом издании Тургенева указывают, что введенный Тургеневым впоследствии эпизод гибели Рудина на парижской баррикаде хронологически не вписывается в роман, «участие и смерть Рудина в июньском восстании 1848 года не укладывается в хронологические рамки романа», поскольку самым концом 40-х годов должен датироваться предыдущий эпизод — встреча Рудина с Лежневым в гостинице.¹

Основное преимущество датировки сюжета «Саши» 40-ми годами перед датировкой 50-ми состоит в том, что первая вполне объясняет эволюцию Агарина, между тем как при второй эта эволюция совершенно непонятна. 1848 год — это последний год «самой либеральной эпохи николаевского царствования»,² по выражению Герцена; это время высокого подъема прогрессивной мысли в русском обществе. 1849—1850 годы — это время, когда не только наступившая в России правительственная реакция, но и ход европейских революций, появление на сцене истории пролетариата напугали недавних прогрессистов, мирных поклонников социальных утопий. Измена фразера Агарина прогрессивным идеям, переход его на реакционные позиции в этих условиях исторически типичны. Но если датировать время действия поэмы 1853—1855 годами, эволюция Агарина становится парадоксальной. Проповедовать либеральные идеи в разгар жесточайшей реакции и отречься от них в эпоху, когда новое правительство пошло либеральным курсом, — это слишком уж нети-

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч. М.—Л., 1963, т. 6, с. 569.

² Герцен А. И. Собр. соч. М., 1954, т. 2, с. 86.

пично и совершенно противоречит всему облику Агарина, всегда поющего с чужого голоса.

Как уже сказано, только в двух названных источниках прямо поставлен вопрос о времени происходящих событий. В других работах ясной постановки этого вопроса нет, однако все авторы книг и статей, в которых речь идет о «Саше», явно относят, без доказательств, как само собой разумеющееся, время действия к 50-м годам, сдвигая притом это время на самый поздний срок, возможный для датировки произведения. Эта тенденция, как и связанная с ней общая трактовка поэмы, особенно ясно проявляется в статье А. М. Гаркави «Поэма Некрасова „Саша“»,¹ и мы, для сокращения места, будем пользоваться лишь этой статьей, хотя аналогичный взгляд встречаем, например, и в посвященной «Саше» диссертации В. С. Маслова,² и в книге Е. Н. Опришко,³ и в других статьях и общих работах о творчестве Некрасова.

Вопрос о фабульном времени произведения обычно требует привлечения данных о времени его создания. Когда написана «Саша»?

Во всех изданиях, где стихотворения датированы, Некрасов печатал «Сашу» с датой «1852—1855». Дата эта не вызывала сомнений у издателей и исследователей Некрасова до появления упомянутой статьи А. М. Гаркави, который отказал авторской датировке в авторитетности на том основании, что в ряде случаев даты, проставленные Некрасовым, оказывались неверными и что «нет никаких данных, которые подтверждали бы это (авторское.—Б. Б.) указание. Первые бесспорно достоверные сведения о работе Некрасова над поэмой относятся лишь к осени 1854 года; к этому времени была написана какая-то (видимо, небольшая) часть поэмы, которую Некрасов в одном из писем назвал «началом рассказа» <...>. Что касается основной части поэмы, то, очевидно, Некрасов написал ее весной 1855 года (ср. в цитированном письме его к Тургеневу от 30 июня 1855 года: «весной нынче... я этот рассказ написал»). <...> В течение остальной части 1855 года

¹ «Некрасовский сборник». II. М.—Л., 1956, с. 151—170.

² Маслов В. С. Первая поэма Некрасова («Саша»). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1956 (Машинопись).

³ Опришко Е. Н. Поэма Н. А. Некрасова «Саша». Днепропетровск, 1958.

Некрасов, очевидно, перерабатывал свою поэму. В январской книжке «Современника» за 1856 год она появилась уже в окончательном виде. (...) Итак, наиболее правильной представляется датировка работы Некрасова над «Сашей» промежутком времени приблизительно с осени 1854 года по осень 1855 года, с той необходимой оговоркой, что основная часть работы была выполнена весной 1855 года».¹

На датировку А. М. Гаркави можно возразить, что наличие неверных дат не означает, что мы не должны доверять никаким авторским датам, если они не подтверждены добавочными свидетельствами или соображениями.

В более поздней работе — комментарии к «Саше» в Большой серии «Библиотеки поэта» — А. М. Гаркави уже не столь категоричен. Он допускает возможность того, что 1852 год — «это дата возникновения замысла» поэмы (I, 629).

Но, по нашему мнению, как бы ни решать вопрос о времени написания «Саши», любое решение говорит скорее в пользу приурочения событий поэмы к более раннему, а не к более позднему времени. В самом деле, если работа над поэмой началась в 1852 году или хотя бы в этом году возник замысел поэмы, действие ее, очевидно, должно заканчиваться не позже чем в 1852 году. Если же авторская дата неверна, неверность ее должна иметь свою причину. Вряд ли такой причиной может быть простая забывчивость. Можно спутать год написания произведения, но указать четырехлетний срок работы над ним вместо годичного, да еще в отношении первой своей поэмы, притом произведения, для понимания которого так важна хронология, — это очень странная забывчивость. Тут уж вернее предположить не забывчивость, а мистификацию. В чем же могла бы быть цель такой мистификации? Очевидно, лишь в том, чтобы читатель относил основное действие поэмы ко времени не позже 1852 года, пусть даже в лирических признаниях повествователя чувствуются более новые впечатления жизни, на что указывает и конечная дата — 1855 год.

¹ Гаркави А. М. Указ. ст., с. 154—156. 1-м мая 1855 года датированы 3-я и 4-я главы поэмы (в которых только и фигурирует Агарин) в рукописной редакции, «близкой к окончательному тексту».

А. М. Гаркави пишет: «С большой политической остротой и реалистической беспощадностью он (Некрасов.— Б. Б.) показал эволюцию «лишнего человека» в условиях нового подъема освободительного движения».¹ Изображенный в поэме «отказ от стремления к борьбе и деятельности на благо народа, связанный с политическим ренегатством, был весьма характерен для многих представителей русского либерализма в середине 50-х годов: он был предопределен резкой политической дифференциацией среди русских деятелей и усилившейся борьбой между революционными демократами и либералами».²

Такая трактовка вопроса противоречит датировке поэмы — даже в том варианте, какой дал сам А. М. Гаркави. Если поэма в основной части написана в 1854-м и начале 1855 года, то есть еще в царствование Николая I, то о каком «новом подъеме освободительного движения» может идти в ней речь? Не было в эту пору резкой политической дифференциации и усиленной борьбы между революционными демократами и либералами, не было по той причине, что основная борьба велась тогда между сторонниками и противниками освобождения крестьян, а не внутри антикрепостнического лагеря. Крепостничество, указывает В. И. Ленин, «порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции, создавая иллюзию об особом демократизме нашей интеллигенции, об отсутствии глубокой розни между идеями либералов и социалистов».³ Обострение дифференциации и борьбы демократов и либералов началось, когда вопрос о том, освободить ли крестьян, сменился вопросом о том, как их освободить.

Хронологическую неувязку А. М. Гаркави стремится устранить, приурочивая окончательную концепцию поэмы к самому концу работы над ней. Он утверждает, что авторская оценка Агарина и самый характер первоначально пропагандируемых Агариним идей претерпели в окончательной редакции поэмы существенные изменения.

«Работая над поэмой,— пишет А. М. Гаркави,— Некрасов последовательно усиливал критику либерализма в образе Агарина. В ранних (черновых) редак-

¹ Гаркави А. М. Указ. ст., с. 158.

² Там же, с. 152—153.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 305.

циях образ Агарина был нарисован более светлыми красками; его мечты о прекрасном будущем человечества были представлены здесь как благородные мечты, выдержанные в духе утопического социализма:

Да,— говорит,— не теряю надежды:
Переведутся глупцы и невежды,

Будут разумны и чисты душой
Люди одною великой семьей...

Некрасов писал в черновиках поэмы об Агарине:

Это прекрасный и вечный ребенок...

Он по природе своей благороден,
Только заносчив и к делу не годен.

⟨...⟩ Однако эти варианты так и остались в черновиках; в основной текст они не перешли. Некрасов отказался от них, так как они оказались несоместимыми с отрицательной характеристикой Агарина.¹

Стихи, приведенные А. М. Гаркави, действительно не вошли в окончательный текст поэмы. Однако делать из этого вывод об изменении характеристики и оценки Агарина можно было бы, лишь сравнив первоначальный текст с окончательным. Такое сравнение не дает оснований согласиться с утверждениями А. М. Гаркави. Если в приведенном им тексте Агарин «по природе своей благороден», то в окончательном:

Всё, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно и сродно...

(I, 222)

Сеет он все-таки доброе семя...

(I, 223)

При наличии таких строк очевидной вульгаризацией является утверждение, будто Некрасов говорит об Агарине «с нескрываемой ненавистью и презрением».²

Неверно и то, что мечты Агарина лишь в первой редакции «выдержаны в духе утопического социализма». Вот окончательная редакция:

¹ Гаркави А. М. Указ. ст., с. 158—159.

² Опришко Е. Н. Указ. соч., с. 28.

Словно брала их чужая кручина,
Всё рассуждали: какая причина,

Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив и зол человек?

Но,— говорит,— не слабеете душою:
Солнышко правды взойдет над землею!

(I, 218)

Можно согласиться с тем, что этот текст (быть может, по цензурным условиям) менее конкретен, чем первоначальный, поскольку в нем нет упоминания о единой семье будущего человечества. Но направление мысли Агарина в новой редакции не изменилось.

Основная тема бесед Агарина с Сашей («всё рассуждали») — обсуждение коренного вопроса, стоявшего перед социалистической мыслью домарксовской эпохи: почему человеческое общество страдает от социального зла, если человеческая натура влечет людей к добру, к общественной пользе, к общему благу?

Обратим внимание на полное совпадение формулировки этого вопроса в поэме с той, которую дает в ответе на него Чернышевский в позднейшем письме:

«Челуха в голове у людей, потому они и бедны и жалки, злы и несчастны; надобно разъяснить им, в чем истина и как следует им думать и жить».¹

Интересно, что первоначально Некрасов дал такие варианты стиха 324:

Беден, несчастлив и дик человек?

Беден, несчастлив и слаб человек? —

(I, 479)

и лишь в печатном тексте появилась окончательная формула:

Беден, несчастлив и зол человек? —

почти буквально совпадающая с позднейшей формулировкой Чернышевского.

Соответствует мысли Чернышевского и приведенная фраза из ранней редакции «Саши»: «Переведутся глупцы и невежды», — но новая формулировка: «Солнышко правды взойдет над землею» — общая. «Солнце

¹ Чернышевский Н. Г. Письмо О. С. Чернышевской от 5 октября 1862 г. — Полн. собр. соч. М., 1949, т. 14, с. 456.

правды», «луч правды», который разгонит морок «мира призраков», — обычные символы в литературе утопического социализма. Ср. хотя бы у Плещеева:

Была пора — огонь горел в крови;
И думал я, что песнь моя сильна,
Что правды луч, что луч святой любви
Зажжет в сердцах озлобленных она,—

(«Странник»)

или у Щедрина: «Я понимаю очень хорошо, что с появлением солнечного луча призраки должны исчезнуть...»¹

Более четкую формулировку получила и противоположная идея, проповедуемая Агариным во второй его приезд:

Род человеческий низок и зол.

(I, 219)

В первоначальных набросках, в которых образ Агарина, по мнению А. М. Гаркави, «нарисован более светлыми красками», этому стиху соответствуют отнюдь не более мягкие, а, напротив, более грубые выражения:

Это-де звери — скоты, а не люди.
Нет благородства — в их рабс(кие) груди...

(I, 465)

Если эта незаконченная сентенция относится не к роду человеческому вообще, а к народу, к крестьянству — это не делает ее менее реакционной.

Но лапидарная формулировка «Род человеческий низок и зол» — гораздо более обобщена и философски содержательна. В двух выступлениях Агарина Некрасов противопоставляет центральные мысли прогрессивного и реакционного мировоззрения того времени.

В домарксистский период какие бы то ни было надежды на улучшение социального строя — путем ли революции, реформ или даже незаметного, постепенного прогресса — опирались на просветительское мировоззрение. Центральная идея этого мировоззрения — идея естественного человека, естественных стремлений, естественных потребностей. Естественный человек изначально добр, естественные стремления ведут

¹ Салтыков - Щедрин М. Е. Собр. соч. М., 1972, т. 13, с. 424.

его к счастью, а счастье он может находить лишь в общем счастье. Первый признак естественного человека в том, что его, как Агарина с Сашей в поэме, «берет чужая кручина». Цитат, подтверждающих это положение, можно привести неограниченное количество.

Но почему же тогда

Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив и зол человек?

(I, 217)

Он беден, несчастлив и зол потому, что дурные, неестественно сложившиеся социальные условия делают его таким, искажая подлинное естество человека. Просвещение, развитие приведут человечество к пониманию его подлинных, естественных интересов и стремлений и в конце концов «Солнышко правды взойдет над землею» и вместо царства «глупцов и невежд» установится разумный общественный порядок, в котором естественные стремления, в том числе стремление к общему счастью, будут находить свое полное удовлетворение.

Все реакционные мыслители, боровшиеся с просветительским мировоззрением, старались бить по главному пункту: по вере в добро и благородство, изначально свойственные человеку и прогрессивно нарастающие в ходе истории. Их основная мысль: человек от природы вовсе не «естественный человек», а злое животное, которым владеют инстинкты, а не разум. Это воззрение Некрасов сжимает в окончательной редакции в кратчайшую формулу:

Род человеческий низок и зол.

(I, 219)

Это значит, что моральный, а стало быть, и социальный прогресс невозможен и мир всегда останется таким, каков он есть. В черновике «Саши» эта мысль выражена в такой форме:

Мир как и был, так и будет окован,
Я-де насчет его разочарован...

(I, 576)

Итак, Некрасов находит и противопоставляет наиболее лапидарные формулы просветительского и антипросветительского мировоззрения. Но такой замысел присутствует уже с начала работы над поэмой, а не является лишь в конечной редакции. Ни уменьшения прогрессивности в первой проповеди Агарина, ни усиления реакционности во второй не произошло; только формулировки стали более четкими. Основная концепция «Саши» создавалась не в новую, либеральную, а еще в николаевскую, реакционную эпоху.

Однако если бы мы даже могли считать концепцию поэмы возникшей лишь в конце работы над ней, так ведь и первые месяцы царствования Александра II были временем не подъема, а, скорее, спада революционных настроений, возбужденных ожиданием реформ, объем и глубина которых еще не были известны. Либералам же в это время, при новом либеральном курсе правительства, совершенно незачем было, как уже сказано выше, отречься от либеральных идей. Новое их отречение, связанное с новым, реакционным курсом правительства, резкая дифференциация и усиленная борьба между ними и революционными демократами, подъем освободительного движения — все это относится к эпохе, заведомо более поздней, чем время написания «Саши». Вот если бы можно было датировать первый приезд Агарина, скажем, 1858 годом, а второй — 1860-м, тогда исторические условия, о которых говорил А. М. Гаркави, соответствовали бы фабульному времени поэмы. Такая его датировка, в сущности, и сквозит за обычными рассуждениями о поэме, но, конечно, не высказывается, поскольку фабульное время поэмы при такой датировке приходится на несколько лет позже ее написания.

Если поэма является художественным изображением борьбы революционной демократии с либерализмом, революционная демократия должна, очевидно, быть представлена в ней образом Саши. Но, в связи со сказанным, такое понимание возможно лишь при передвижении образа в будущее.

Нет, кажется, советского исследователя, который, говоря о Саше, не предрекал бы ей с большей или меньшей категоричностью будущности революционной деятельности. Она «несомненно найдет себе место в освободительном движении эпохи», — пишет, например,

Ф. Я. Прийма.¹ Но ведь когда писалась поэма, еще и эпохи этой не было, и движения этого не было, и женщин-революционерок не было. В рамках же поэмы Саша не выходит за пределы первоначальной проповеди Агарина.

В разных редакциях «Саши» немало говорится о прямой деятельности Саши в период между приездами Агарина:

Бедные все ей приятели-друзи:
Кормит, ласкает и лечит недуги...

(I, 219)

Правда, ходила к старухам больным...
Стала услужлива к людям простым.

Бедного кормит, поит и голубит,
Словно как брата родимого любит.

К мужу письмо за простую бабенку
Рада писать [на чужую сторонку.]

Грамоте учит мальчишек простых.

(I, 579)

Эти поступки свидетельствуют о важнейшей для концепции поэмы черте характера Саши, именно о том, что Саше свойственна деятельная любовь к людям. Однако в поэме деятельность героини не выходит за пределы либеральной филантропии, над которой подтрунивает Агарин, но которая позже стала предметом постоянных насмешек и со стороны демократической литературы (вспомним хотя бы «Трудное время» Слепцова). Поэтому вряд ли основательны слова А. М. Гаркави: «Саша порывает с дворянским либерализмом».²

Есть в характеристике Саши одна черта, действительно присутствующая лишь в ранних редакциях и устраненная из окончательной: это религиозность Саши — религиозность не изначальная, внушенная домашним воспитанием, а проявляющаяся в моменты сильных душевных потрясений — после первого отъезда Агарина:

¹ Прийма Ф. Я. Н. А. Некрасов. — В кн.: История русской поэзии. Л., 1969, т. 2, с. 26.

² Гаркави А. М. Указ. ст., с. 160.

Стала в молитве усердней, чем прежде,
Вкус получила к красивой одежде...—

(I, 472)

и после его приезда:

Плачет и бога о чем-то все просит.

Бросит работу и молится богу...

(I, 581)

Правда, повторяю, в окончательной редакции этих строк нет, но как же далек образ Саши, задуманный Некрасовым, от образа «нигилистки»-шестидесятницы!

Первоначальную проповедь Агарина, переродившую Сашу, нельзя, конечно, назвать революционно-демократической. Утопические мечтания о том, на что, даже по словам повествователя, «нужны столетья» (I, 222), не выводят Агарина за пределы барского либерализма, не мешают ему проживать за границей крепостные доходы, и если он приехал теперь, впервые в жизни, в свою деревню, так это только потому, что ему доходы высылали «худо».

Некрасов, в 1845 году рецензировавший «Гарантас» В. А. Соллогуба, не забыл, надо думать, образ «русского барина», едущего в свою деревню из любимой заграницы потому, что «бурмистр оброка не высылает; черт их знает, что пишут! Неурожай у них там какой-то, деревня какая-то сгорела. А мне что за дело? Я человек европейский, я не мешаюсь в дела своих крестьян; пускай живут как хотят, только чтоб деньги доставляли аккуратно. Я их наскрозь знаю. Такие мошенники, что ужаси. Они думают, что я за границей, так они могут меня обманывать. Да я знаю, как надо поступать. Сыновей бурмистра в рекруты, неплательщиков в рабочий дом, возьму весь доход на год вперед да на зиму в Рим...».¹

Разумеется, Агарин действует не такими мерами: он гуманен, он «ласков с прислугой, как будто не барин», но с доходами дело, видно, наладилось, поскольку он смог вскоре уехать и вернуться, опять ненадолго, лишь через два года.

Конфликт Саши с Агариным не отражает борьбу революционных и либеральных идей, поскольку взгляды Саши еще не революционны, а изменившиеся взгляды

¹ Соллогуб В. А. Избранная проза. М., 1983, с. 286.

Агарина уже антилиберальны. Либералы той эпохи были солидарны с демократами в вере в прогресс и в просвещение как фактор прогресса, улучшения людей и жизни; Агарин же во второй приезд стремится, как мы видели, подорвать самые основы просветительского, тем самым и либерального, мировоззрения.

Агарин — один из типичнейших героев литературы 40—50-х годов — «лишний человек». В нашем литературоведении понятия «дворянский либерал» и «лишний человек» постоянно отождествляются. Между тем полное отождествление этих понятий неправомерно. С наступлением либеральной эпохи 50-х годов либералы почувствовали возможность деятельности в том направлении и в тех рамках, которые соответствовали их платформе, и, когда, одновременно с «Сашей», появился «Рудин», ведущие либеральные критики Дудышкин и Дружинин напали на героя романа и воплощенный в нем тип за бездеятельность, за вечное философствование, за отсутствие трезвого взгляда на жизнь, желанная и способности жить в гармонии с ней, приспособляться к ее требованиям, прилагать руки к живому делу.

В «Саше» современная критика, как известно, увидела чуть ли не пересказ «Рудина» стихами. «...Мы в этой поэме,— писал Дудышкин,— нашли того же Рудина, только переложенного в стихи. <...> Сходство между ним и Агариным до того сильно, что даже выразилось не только в общих чертах, но и в мелочах. <...> Рудин хорошо и много говорит; Агарин <...> тоже хорошо и много говорит. Рудин умен, образован, говорит цветисто, но ни на какое дело не способен; Агарин тоже <...>. Г. Тургенев говорит о Рудине как о человеке, который, однако ж, сеял доброе семя,— и г. Некрасов то же говорит о своем Агарине. <...> Ум Рудина сильно действует на развитие Наташи — ум Агарина точно так же действует на Сашу; оба заставляют героинь влюбиться в себя, оба их бросают. Даже объяснение в любви происходит одинаково в обоих произведениях...»¹

Убежденность чуть ли не в тождестве героев и сюжетов двух произведений приводит Дудышкина к аберрации памяти: на самом деле, в противоположность тургеневскому роману, в поэме Некрасова не герой отка-

¹ «Отечественные записки», 1861, № 12, отд. III, с. 87—88.

зывается от героини, а героиня от героя; сцены же любовного объяснения в поэме вообще нет. Дудышкин не замечает (да и позднейшие авторы не акцентируют) того, что, в отличие от Рудина, Агарин в типичном конфликте слабого мужчины и сильной девушки проявляет слабость характера вовсе не в любовной сфере, а в сфере мысли, в области мировоззрения. При этом и душевная сила героини, и душевная слабость героя получают в поэме необычное и прямо связанное с просветительским мировоззрением Некрасова обоснование.

Обратим внимание на то, что сущность каждого из двух героев поэмы четко раскрывается в описании его наружности. Герой и героиня подчеркнута противопоставлены друг другу уже внешне.

Красавица Саша — «стройная, величавая», «пышная», с живыми глазами, румяными, полными щеками, круглыми плечами и «упругой грудью». Агарин — «невиден собой»,

Тонок и бледен. В лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел.

(I, 216)

В первоначальной редакции прямо подчеркнута связь физической и духовной «хилости» Агарина:

...не много в нем сил:
Так же, как телом, душою он хил.

(I, 584)

Развитие Саши, выросшей «как цветок полевой», органичное и естественное.

Естественно развившаяся Саша обладает свойствами «естественного человека»: она активно любит людей, народ, родную природу. Агарин — хилое создание искусственных жизненных условий — лишен всего этого. В своей стране он не живет, народа не знает и не любит, над русской природой «подтрунивает», влечения к труду, к деятельности не испытывает, никакие идеи не превращает в дело.

В «Саше», как впоследствии в «Что делать?» Чернышевского, персонажи четко разделяются на живущих «естественной», подлинно человеческой и «искусственной», «фантастической» жизнью. Некрасов трактует как «неестественного» человека одну из центральных фигур тогдашней литературы — «лишнего человека».

Еще с 40-х годов и в критике и в самих литературных произведениях длился спор: что создает «лишних людей» — невозможность приладиться к неприемлемым социальным условиям или помещичья обеспеченность, лишаящая стимулов к труду. Некрасов твердо стоит на второй точке зрения.

Еще в 1851 году в стихотворении «Мое разочарование» Некрасов выводит комическую фигуру «лишнего человека», считающего себя мыслителем и говорящего о себе:

Вереницей чудной и беспечной
Предо мной толпился ряд идей,
И витал я в сфере бесконечной,
Презирая мелкий труд людей.
Я лежал, гнушаясь их тревогой,
Не нуждаясь, к счастью, ни в чем,
Но зато широкою дорогой
В сфере мысли шел богатырем.

(I, 131)

Его презрение к «мелкому труду» предвосхищает слова Агарина:

Нет, я души не растрочу моей
В мелких делах и тревогах людей.

(I, 126, 479)¹

Неправильное развитие человека происходит от противоестественных условий, в которых воспитываются и живут люди, прежде всего — в отсутствие труда, стремление к которому — одно из наиболее естественных стремлений человека. Агарин не трудится,

Благо наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов.

(I, 121)

Отметим, что полной обеспеченности Агарина в поэме противопоставлены «убогие средства» семьи Саши.

Программа, намеченная в «Песне Еремушке», все-таки неполна. С точки зрения просветителя, «жизни вольные впечатления» готовят почву, но на эту почву должны упасть семена просвещения. Мысленно обращаясь к родителям Саши, Некрасов говорит:

¹ Вариант стиха 436 — «На муравьиной работе людей» — впервые появился лишь в издании 1861 года.

Только развить воспитаньем, увы!
Эту головку не думали вы.

(I, 208)

В качестве «сеятеля» является Агарин. Аполлон Григорьев писал даже, что поэма «могла, право, быть озаглавлена так: „Саша, или Сеятель и почва“».¹

Но своеобразие коллизии «Саши» состоит в том, что «естественные» взгляды, которые для Саши становятся ориентиром на всю жизнь, совсем не таковы для «сеятеля». Оторванный от родины, от народа, от органических основ жизни, хилый книжник, он воспринимает «подлинные», прогрессивные идеи так же, как противоположные, реакционные; для него все это чисто головные теории, которые имеют друг перед другом лишь преимущество новизны, оригинальности, современности.

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет.

(I, 222)

Может возникнуть вопрос: почему Саша, по словам которой Агарин «вразумил ее душу и спас», для которой он высший авторитет, которая так беззаветно проникалась его убеждениями, которая, наконец, любит Агарина, дает затем немедленный отпор его новым взглядам? Она ведь несравненно менее образованна, чем он, и не искушена в философских спорах: «с ним Спорить она не умела». Но ей это и не нужно. Она не спорит с ним, а «молчать его просит», новые же привезенные им книжки читать не желает «и приказала назад отослать», ибо, как «естественный человек», она одарена истинно человеческим отношением к жизни.

Просветительские взгляды автора четко сказываются в оценке как Саши, так и Агарина.

Исследователи, кажется, не обращали внимания на сюжетную особенность, что повествователь никогда не видел Агарина, узнает о нем только из рассказа невежественного старика, не знающего даже, что такое стихи, и предполагающего, что Агарин — это «чернокнижник-губитель» или «сам бес-искуситель» (I, 221). Тем не менее повествователь тут же дает психологичес-

¹ Григорьев А. Литературная критика. М., 1967, с. 488.

кую характеристику Агарина, вернее, «современного героя» того типа, к которому он без колебаний относит Агарина:

Веришь, не веришь — ему все равно,
Лишь бы доказано было умно!

Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;

Нынче не знает, что завтра сожнет,
Только, наверное, сеять пойдет.

(I, 223)

Перед поэтом стояла задача показать, какие же чувства испытывает сам Агарин, разочаровавшись в былых мечтаниях. Радует ли, что не отстал от последней интеллектуальной моды? Но ведь взгляд на Агарина как на человека, всегда поющего с чужого голоса, это взгляд повествователя, взгляд, внушаемый читателю автором. Сам же Агарин считает себя мыслителем, а не подпевалой и испытывает подобие тех чувств, которыми были охвачены в конце 40-х годов не одни «лишние люди». Вспомним хотя бы «духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848-го года».¹ Агарин, по словам Саши, «стал Зол и печален и духом упал». Он не отказывается от новых взглядов, хотя они прямо ведут его к разрыву с любимой девушкой. И все же повествователь не верит искренности чувств Агарина, — может быть, точнее сказать, глубине его искренности. Не верит потому, что человек с подлинно «человеческими стремлениями» не может отказаться от «естественно-разумных» взглядов.

Конфликт Саши с Агариним — это конфликт «естественного человека» с «лишним человеком». Некрасов еще только нащупывает общественный тип «современного героя» и старается дать себе отчет в его ценности, отнюдь не повторяя оценок революционной демократии, которые тогда еще не установились, а участвуя в формировании этих оценок, давая для них жизненный материал, прошедший сквозь горнило творческого сознания. Но в эволюции Некрасова «Саша» явилась

¹ Ленин В. И. Памяти Герцена. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 256.

дальнейшим — после «Филантропа»¹ и «Тонкого человека» — этапом на пути к разрыву Некрасова с либералами.

В 60—70-е годы образы «Саши» естественно понимались так, как их понимают (согласно сказанному выше) и до сих пор. Многие либералы, разочарованные и перепуганные в конце 40-х годов и вновь воспрянувшие в середине 50-х, могли напомнить Агарина, снова предавшись разочарованию и пессимизму в годы новой реакции. Сашу же — человека, твердого в идеях «братства, равенства, свободы» и непременно воплощающего мысли в дела, — естественно было воспринимать как человека, перед которым лежит путь революционной борьбы.

¹ См. в настоящей книге статью «Некрасов и петербургские филантропы» (К истории стихотворения Н. А. Некрасова «Филантроп»).